

Никогда я не был на Босфоре

Автор:

Татьяна Устинова

Никогда я не был на Босфоре

Татьяна Витальевна Устинова

«Ну вот, – сказал гид. – Перед вами – Босфор.

– Никогда я не был на Босфоре, – тут же процитировал интеллектуал Паша Семенов. – Ты меня не спрашивай о нем!

– А дальше как? – насмешливо поинтересовалась Маша Машина – такое у нее было имя, а может, она его себе придумала!..»

Татьяна Устинова

Никогда я не был на Босфоре

Ну вот, – сказал гид. – Перед вами – Босфор.

– Никогда я не был на Босфоре, – тут же процитировал интеллектуал Паша Семенов. – Ты меня не спрашивай о нем!

– А дальше как? – насмешливо поинтересовалась Маша Машина – такое у нее было имя, а может, она его себе придумала!

Маша не делала никаких попыток выйти из микроавтобуса, дожидалась, кто первым подаст ей руку. Первым руку подал гид. Маша оперлась на нее и,

неторопливо перебирая длинными ногами, опустила себя на асфальт.

Нэсси посмотрела на нее и отвернулась.

И чего там перебирать ногами – две ступеньки всего?! Но у Маши все равно получалось перебирать, да еще так, что все мужчины немедленно кидались помогать, поддерживать, услужливо подставлять руки, плечи и другие части тела!..

– Так как там дальше, Паша? Про Босфор?

Интеллектуал Семенов не знал, как дальше, а потому радостно объявил общественности, что по Босфору идет огромный сухогруз, хотя общественность и без него отлично это видела.

– Я в твоих глазах увидел море, полыхающее голубым огнем, – неожиданно высказался гид.

Маша Машина захлопала в ладоши, приподняла темные очки, сверкнувшие вдоль оправы бриллиантовыми капельками, и глянула на гида.

– А дальше? – это Светлана Петровна спросила.

– Дальше, дальше! – подхватила Маша и кончиками пальцев слегка коснулась гидовой куртки, как бы поощряя и награждая его своим прикосновением.

– Не ходил в Багдад я с караваном, не возил я шелк туда и хну, – как ни в чем не бывало продолжил подкованный гид. – Наклонись своим красивым станом, на коленях дай мне отдохнуть!

– Bravo, bravo! – закричала Маша, и Верочка посмотрела на нее неодобрительно.

До появления Маши Машиной первой красавицей в компании считалась она, Верочка, и ей не нравилось, что «переменчивая толпа» уже короновала новую королеву, а про старую все позабыли!..

Хорошо, что я не королева, подумала Нэсси.

И еще она подумала так: зачем меня-то сюда понесло?! Не могла сказать больно, что ли?! Придумать срочные дела в Москве?! Записаться на курсы повышения квалификации?!

Все романтики тебе не хватает, пояснила ехидная Несси-inside. Все приключений тебе хочется на собственную... м-м-м... ну, пусть будет голову! Все тебя тянет растревать раны и скорбеть о прошлом, которое было столь прекрасным, что будущее, конечно же, уж наперед известно, таким прекрасным ни за что не станет!

Нэсси-outside нацепила на нос темные очки – Босфор сверкал невыносимо, – подошла к краю парапета и посмотрела в воду.

Вода была чиста и прозрачна до самого доньшка, до плотного коричневого песка, на котором лежали заросшие зелеными бородами водорослей камни. Были камни большие и маленькие. Большие выступали над водой, и хотелось упрыгать по ним в Босфор, и зеленые бородады колыхались вокруг подсыхающих каменных лысин.

– Господи, тепло-то как! – мечтательно сказала Светлана Петровна, расстегнула дубленку и распахнула ее. – Мне не верится, что январь и всего три часа назад мы были в Москве!

– Я должна позвонить в свою квартиру в Монако! – неизвестно зачем объявила Маша Машина. – Мой друг хочет поставить свою машину в мой подземный гараж, и я должна позвонить, чтобы его пустили. У него спортивная машина, а я живу с видом на трассу Формулы-1!

Гид восхищенно поцокал языком. Паша Семенов подумал и тоже поцокал. Виталий Васильевич спросил, ловят ли в Босфоре рыбу, а Гриша так и не оторвал от уха телефон. Он разговаривал с той самой минуты, как самолет приземлился в Стамбуле.

Нэсси рассматривала рыбок, которые крутились вокруг камней. Турки, толпившиеся на пристани, бросали им куски лаваша, которые на лету хватали жадные, толстые и громогласные чайки. Смуглые турецкие дети визжали и носились между столиками уличного кафе, смуглые турецкие мужчины в

турецких кожаных куртках степенно курили, смуглые турецкие женщины в платках и длинных пальто, с кошелками, пристроенными на локоть, громогласно переговаривались, Босфор слепил глаза.

Он был голубой, синий, зеленый, желтый, а дальше вообще непонятного цвета, и солнце, отражаясь от чистой воды, било по глазам, и сухогруз вдруг заревел обиженным басом.

– До сих пор корабли по Босфору водят только турецкие лоцманы, – сказал гид у Нэсси над ухом, так близко, что она вздрогнула и оглянулась с изумлением. Он закуривал и шурился на воду.

– Представляете? – Он помахал спичкой, чтобы затушить огонь, и почему-то сунул ее, обгоревшую и скрюченную, в передний карман джинсов. – Никакие навигационные приборы не помогают.

– Неужели? – пробормотала Нэсси.

– Что? Что? – Маша Машина приблизилась и взяла гида под руку. – Вы говорите что-то потрясающе интересное!..

Гид послушно повторил про Босфор и про лоцманов, и Маша закатила глаза, будто в припадке восторга. Гид смотрел на нее не отрываясь. Впрочем, на Машу все смотрели не отрываясь.

Ну, тут все ясно. Эта группа пройдет у гида под знаком прекрасной русской девушки с прекрасным русским именем Маша и оставит о себе прекрасные воспоминания, быть может, самые прекрасные в жизни данного конкретного гида.

Нэсси покопалась в сумке, выудила темные очки – без всяких бриллиантовых капелек, между прочим, – и стала смотреть на Босфор.

Где-то здесь поблизости есть то, о чем столько раз было читано, слышано и учено в школе – Золотые врата Царьграда, древние стены Константинополя, бухта Золотой Рог и Святая София.

Впрочем, Царьград и Константинополь, а заодно и Стамбул – суть одно и то же.

Босфор изгибался, и на той стороне, где лежала Азия, были холмы, и мосты, перекинутые через пролив, казались ненастоящими, легкими, тающими, как ниточки сахарной ваты под ярким солнцем.

– Один из Османов, Баязет, для укрепления подходов к Константинополю со стороны Черного моря проложил поперек пролива чугунные цепи, которые натягивал специальный ворот при подходе врага. Пролив стал практически неуязвим с моря, и желающим поживиться богатствами древнего города оставалось только одно – тащить корабли по суше. Во дворце Топ-Капы мы увидим знаменитую картину...

Гид говорил уверенным, хорошо поставленным голосом товарища Левитана, Маша Машина обморочно попискивала, что-то бухтела Верочка, а Виталий Васильевич все спрашивал про рыбу, теперь уже у Гриши, знатока всей рыбы на свете.

Ждали шефа и того американца, которого шеф представил им на прошлой неделе как гениального маркетолога и вообще специалиста в области продвижения. Нэсси так и не поняла толком, что и куда продвигал американец, но в офисе все закатывали глаза и говорили, что он «о-о-о... творит чудеса!..»

Впрочем, может, она ничего не поняла, потому что как раз накануне ее бросил муж.

Нэсси раньше не знала, что бывает с женщиной, когда ее бросает муж, а теперь узнала.

Он сказал, что больше ее не любит, разлюбил, и теперь у него своя дорога, не та, по которой тащится Нэсси и где они до последнего времени ковырялись вдвоем. Эта новая дорога совсем не то, что старая, на которой ему было невыносимо скучно. Вот, и еще он сказал: «Прости меня».

Нэсси посмотрела на него, как на полоумного.

Как – прости? Что значит прости?

Ты только что лишил меня жизни, причем всей сразу, настоящей, будущей и прошлой, не оставив мне ничего, чем можно было бы утешаться, а теперь просишь у меня прощения?! Прости, мол, всякое бывает? Не обращай, мол, внимания, найдешь другого?! Ты еще молодая, красивая, какие твои годы, у тебя все впереди, а я пошел, ты меня прости!..

И ушел.

– Среднегодовая температура воздуха в Стамбуле плюс пятнадцать градусов, а воды в Босфоре плюс восемнадцать, – разорвался гид. Его никто не слушал, только Маша Машина смотрела не отрываясь, тонкие пальцы с очень яркими красными ногтями то и дело касались мужественной загорелой руки гида.

Ветер, показавшийся Нэсси очень холодным, вдруг налетел, обдал с головы до ног, заморозил щеки.

Ты поклялась себе, что перестанешь рыдать, сказала сердитая Нэсси-inside. Ты сказала, что тебе непременно нужно переться в Стамбул, чтобы быть «на людях», чтобы чувствовать себя нужной и занятой, чтобы не впасть в депрессию и не нырнуть в пучину отчаяния. Так чего ты теперь рыдаешь, и как раз на людях?! Не хватало тебе только, чтобы Маша Машина сейчас заметила, что тебе плохо, и кинулась бы тебя утешать! Хочешь Машиных утешений, дура?!

Ну, дура, ну и что, согласилась Нэсси-outside, убитая горем. Просто я не успела прийти в себя, понимаешь?! Просто еще неделю назад все было хорошо, и я даже билет ему купила, чтобы на тренинг в Стамбул он полетел со мной. Я хотела, чтобы это был сюрприз – путешествие вдвоем, среди зимы, в сказочный город. Бухта Золотой Рог, янтарь на трубках Царьграда, фарфор и бронза на столе, комната на восемнадцатом этаже с видом на пролив, утренний запах кофе и мужского парфюма «после бритья», потом занятия с гениальным американцем и познание тайн продвижения, а потом – опля! И полдня в нашем распоряжении! И солнышко светит, и тепло, и Босфор плещется поблизости, и мечеть Султан-Ахмед полыхает тем самым голубым огнем над Босфором, и греческий акведук, уцелевший с прошлого тысячелетия, возвышается на том берегу, и все это наше на целых четыре дня!

Вот и выходит, что дура, поддала Нэсси-inside мрачно. Как это ты могла думать, что все хорошо! Значит, ничего не было хорошего, раз он повернулся и пошел!

Да еще сказал – прости меня!

– Султанской мечеть считалась, если на каждом из минаретов было не менее трех балконов, а лучше все четыре, – надсаживался гид. – Когда мы с вами подойдем к мечети Султан-Ахмед, вы убедитесь, что... – продолжал он. Маша Машина уже держала его под руку, и локоть у гида казался замороженным, так старательно он отслеживал локтем Машину ручку.

Тут подкатил автобус, въехал почти на самый причал. За ним крался огромный черный «Мерседес» с тонированными стеклами. Нэсси уже обратила внимание, что в Стамбуле, как и в Москве, очень любят «Мерседесы» с тонированными стеклами – знак богатства, процветания и некоторых неладов с законом.

Из автобуса посыпались туристы в ярких куртках и белых брюках, с неизменными рюкзаками на плечах и свитерами, обвязанными вокруг поясицы. Если бы это были американцы, они все как один были бы в резиновых шлепанцах и шортах. Если зимой на улице любого европейского или даже азиатского города вы видите человека в шортах – знайте, это американец! Для тепла шорты могут быть подбиты мехом, а под рубашку надеты пять маек разной длины, ширины и цвета. Но чтобы джинсы с курткой – никогда!..

Он же американец. Он привык. Для того чтобы «перепривыкнуть», нужно напрягаться, да еще и покупать эти самые джинсы – зачем?! Он же так привык.

Туристы все еще сыпались как горох и раскатывались в разные стороны из высокого автобуса, когда неспешно открылась дверь «Мерседеса», сверкнула на солнце, замерла, и только потом на асфальт выставилась нога в черном носке и черном же лакированном ботинке, как в кино про Дона Корлеоне. Следом за ногой показался весь шеф. Вылез наружу, как из берлоги, недовольно фыркнул, сощурился на Босфор, покрутил головой, одернул пиджак, нашел глазами своих и сразу отвернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/tatyana-ustinova/nikogda-ya-ne-byl-na-bosfore>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)